

Елена
Арсеньева

Пленник
богини любви

Русская красавица. Романы Е. Арсеньевой

Елена Арсеньева

Пленник богини любви

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Пленник богини любви / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
2020 — (Русская красавица. Романы Е. Арсеньевой)

ISBN 978-5-04-110514-3

В далекой неведомой стране дочь русского торговца Вареньку Бушуеву собираются принести в жертву кровавой богине Кали. Кто спасет юную красавицу, на кого ей надеяться? Может быть, о ней вспомнит тот, кто вместе с ней попал в руки к служителям Луны и во время странного обряда вызвал у Вари истинную страсть? Неужели то, что было между ней и Василием, останется только мучительным и сладостным воспоминанием?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110514-3

© Арсеньева Е. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	7
Луна над поющим бамбуком	7
Священные воды Ганги	12
Старый друг	15
Чудесный камень королевской кобры	20
Зловещая незнакомка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Арсеньева Пленник богини любви

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

Художественное оформление серии Е. Анисиной

В оформлении обложки использована репродукция картины «Profile of a Young Girl» художника Marcus Stone (1840–1921).

В коллаже на обложке использованы фотографии: Jo Ann Snover, Prokrida, Lisovskaya Nataliaб, sраxiaх, kostins, pashabo, HO THI THANH VAN / Shutterstock.com

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки: FRACTAL / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Арсеньева Е. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Нет пламени сильнее, чем любовь!
Из «Дхаммапады»¹

---

¹ «Дхаммапада» – произведение буддийской литературы, в котором изложены основные этические принципы раннего буддизма.

Часть первая Рука призрака

Луна над поющим бамбуком

Она была похожа на цветок...

Она была похожа на цветок, и аромат ее тела был ароматом редкостного, дивного цветка – прекраснее розы, прекраснее лотоса. Из лунного света, из бледного сияния звезд сотворили ее боги... Можно было сказать, что она схожа с богиней, однако стоит ли сравнивать звезду со звездой? Ведь она и была богиней.

– Дева, – сказал черноглазый индус, облаченный в белую кисею и тюрбан с павлиньим пером. – Дева...

Пленник немного понимал язык туземцев и понял: дева значит «богиня». Похитители – ее слуги. А он сам – кто он? Пленник богини?!

* * *

Сначала, когда пленника, связанного по рукам и ногам, тащили сквозь джунгли, он думал, что его ждет участь кровавой жертвы, которую еще приносит этот дикий злобный народ. Однако после недолгого путешествия в лодке он очутился на острове такой красоты, что сама мысль о жертвоприношении, убийстве, боли и смерти показалась сущей нелепицей.

Остров чудился пустынным – только несколько деревьев там и сям, только цветы да высокие заросли бамбука.

При каждом порыве ветра слышался легкий и странный звук, будто кто-то едва касался туго натянутой гитарной струны. Сначала пленник не обращал на это внимания, однако чем дальше вели его сквозь бамбуковые заросли, тем громче и отчетливее становилась чарующая мелодия незримого оркестра.

Это было похоже на колдовство, но пленник сразу догадался, что поет не какая-то неведомая сила, а сам бамбук, в каждом колене которого жучки просверлили большие или маленькие отверстия. В них играет ветер, превращая эти заросли в десятки тысяч свирелей, созданных самой природой.

Там, на своей далекой родине, он не раз слышал, как пересвистывает ветер в зарослях просверленного жучками камыша, но это не шло ни в какое сравнение с пением бамбука, которое надрывало сердце.

Тем временем исчезли с неба золотые закатные лучи, и окрестности подернулись лиловой сумеречной дымкой. С каждой минутой сгущалась тьма, в небе одна за другой зажигались звезды, и вот взошла луна.

До полнолуния, судя по очерку ее диска, еще оставалось несколько дней, и все же она светила расточительно-щедро: осыпала бледным золотом-серебром все вокруг – и вдруг в ее сиянии высветился дворец с плавно изогнутым куполом.

Пленник успел только ахнуть от изумления, однако разглядеть дворец ему не дали – заволокли внутрь, в глубину бесчисленных покоев.

С тех пор рядом с пленником почти неотлучно находился предводитель его похитителей.

Вида этот человек был странного. Брови его сходились на переносице: казалось, лоб перечеркнут одной извилистой линией. Глаза – огромные, сплошь черные, без блеска – непроницаемые. Они скрывали некую тайну, но пленник понял, что спрашивать бесполезно: ответа не будет.

Впрочем, однажды он все же не удержался и воскликнул:

– Зачем я здесь? Что вам от меня нужно?!

– Ты все узнаешь в свое время, – высокомерно ответил предводитель. – Оно наступит скоро.

И все. И воцарилось молчание.

Больше пленник не унижался до расспросов.

Стражник всегда был одет в белое, слегка отливающее серебром. Пленник знал, что этот индус следит за каждым его шагом, даже когда, казалось, отсутствовал.

Впрочем, насчет «каждого шага» – это очень смело сказано. Ведь большую часть времени пленник был недвижим. Его держали прикованным к постели ночью и днем, снимая оковы только для омовений и еды. Еда, в общем-то, тоже была пыткой. Стол состоял из плодов и овощей, но до того приправленных пряностями, маслами и сахаром, что становилось тошно. Перед тем как попасться похитителям, пленник долго голодал, потом наелся до отвала, а теперь опять вернулся к ощущению постоянного, неутихающего голода.

Что хуже всего, ему никак не удавалось взять в толк, к чему все это. Почему его так пристально, оскорбительно пристально рассматривает предводитель похитителей? Зачем его держат в цепях на этом роскошном ложе, в этом подавляющем своей красотой покое: ослепительной белизны стены с панелями, покрытыми мозаикой – гирляндами прелестнейших цветов из драгоценных камней? Поначалу он только и чаял вырваться, раскидать стражу, сбежать, но... Когда начинал буйнить, вся эта смуглокожая братия наваливалась со всех сторон. С первого раза пленник их всех разнес по закоулочкам, так что они сделались умнее: кто-нибудь неуловимым рассчитанным движением накидывал на горло бунтовщика платок и так его затягивал, что надо было выбирать: или полечь тотчас же, тут же, ни за что ни про что, или отступить перед превосходящими силами противника. Ну, приходилось отступать...

Это длилось несколько дней. Но однажды предводитель стражников торжественно сообщил:

– Твои испытания закончены. Луна созрела! Завтра дождь – возлюбленный земли – сможет пролиться на ее ждущее лоно!

– Что? – изумленно пробормотал пленник, мало что понявший в этой торжественной речи. – Ты ждал подходящей погоды? Для чего?!

Мгновение «наставник» смотрел на него с откровенным презрением, потом что-то глубоко страдальческое и вместе с тем зловещее промелькнуло в черной глубине его глаз:

– Тебе предназначено стать любовником богини.

Пленник не верил ушам. Но приходилось поверить тому, что теперь происходило вокруг него.

О, как пел в тот день бамбук! Лишь только повлеклось к закату огромное раскаленное солнце, зазвенели вдруг со всех сторон звонкие колокольчики, зазвучали веселой быстрой мелодией, под которую ноги так и норовили пуститься в пляс. С другой стороны острова доносился протяжный вой: заунывный, грустный, словно жалоба волчицы, утратившей детенышей. Издали несласть песнь человеческого голоса, заканчиваясь не то рыданием, не то глухим хохотом...

Конвой был нынче разряжен в пух и прах, однако не утратил ни малой толики свирепой бдительности: пальцы стражей так и плясали на рукоятях мечей, а глаза стерегли каждое движение пленника.

Он подчинялся, неприметно озираясь и каждое мгновение ожидая удара клинком под ребро. Черт их разберет, этих туземцев, что у них означает «сделаться любовником богини». Может быть, у него вырвут сердце и поднесут какой-нибудь раззолоченной идолице на серебряном блюде!

Хотя опасался он, похоже, напрасно.

Сначала прислужницы, сплошь увешанные золотом и шуршащие парчовыми шароварами, повлекли пленника в бассейн и, поставив на дно мраморной чаши, несколько раз окатили разноцветными водами, причем голова сразу же мучительно заболела и пошла кругом от удушающего аромата розового масла.

«Благоухаю, будто девка в веселом доме, готовая к встрече покупателя ее прелестей», – с яростью подумал пленник, но тут его опять принялись окатывать водой. На сей раз вода была прозрачная, и ее аромат не вызывал тошноты. Он был скорее горьковатым, волнующим...

Наконец его вывели из бассейна, осушили мягкими шелками и принялись одевать. Стражник поигрывал кинжалом, стоя в двух шагах, поэтому пленник без сопротивления позволил нарядить себя в розовые шаровары и бледно-розовый тюрбан с бриллиантами. Среди туземцев, облаченных в белое, он чувствовал себя нелепой игрушкой, яркой безделушкой – словом, сущей бабою! Вдобавок на него напялили еще и прозрачную белую распашонку. Пленник стискивал кулаки и поджимал пальцы на ногах на случай, если начнут надевать перстни: стража вся сверкала и переливалась множеством золотых украшений, надетых на каждый палец. Вдобавок некоторые мужчины и женщины носили серьги в носу!

«Пусть лучше голову проломают, но кольцо в нос совать не дам!» – мрачно пообещал пленник сам себе. Однако похоже было, что любовнику богини сие по чину не полагалось. И на том спасибо!

Его окуривали тлеющим сандалом, когда появился черноглазый: опять в белом, блистающий бриллиантами так, что смотреть было больно. Не взглянув на пленника, он сделал знак – стража встала плотно, шагу в сторону не сделаешь! – и этот сомкнутый строй замаршировал по дворцу. Что-то подсказывало пленнику, что он последний раз видит белый мрамор, красный порфир, причудливую мозаику, кружево резьбы.

Впрочем, провались оно все пропадом! Ах, вырвать бы у одного из этих сверкающих идолов клинок, да было бы где размахнуться руке, – только бы пленника тут и видели! Однако с него по-прежнему не сводили не только глаз: все сабли были угрожающе обнажены и при малейшей заминке легонько покалывали кожу. «Надо надеяться, они не перестараются, и я не явлюсь к даме весь в кровавых пятнах, будто комаров на болоте шлепал!» – фыркнул пленник и удивился, как стало легче на душе.

Ну да, не нами сказано, будто русские умеют смеяться не только когда им весело!

Они вышли на веранду. Полная луна сияла, и пленник без труда разглядел стройные зеленые фикусы и высокие тамаринды. Под одной из пальм раскинулся пруд, в котором нежились лилии и лотосы, а над прудом стояла беседка.

У входа в беседку склонялись в поклоне прислужницы, а в глубине ее виднелась неясная фигура, с головы до ног укутанная серебристой вуалью, такой плотной, что очертаний тела было не различить.

Сердце тревожно стукнуло, но пленнику не дали времени на созерцание и втолкнули в беседку.

Да, дворец был великолепен, но это... Снова белый мрамор, снова мозаика из бриллиантов и сапфиров, но еще и потолок затянут темно-голубой тканью, а для того, чтобы совершенно уподобить его небу, усеян драгоценными камнями вместо звезд. Воистину обиталище достойно богини... если эта высокая фигура, скрытая белым, действительно богиня.

Она не тронулась с места при появлении пленника. Резко пахло курящимся сандалом; дымок от него то стелился над серебристо-белым полом, то взмывал вверх, обвивая неподвижную фигуру.

Черноглазый с поклоном приблизился к богине, протянул ладонь. Заиграли, замерцали складки покрывала: из-под них показалась тонкая бледная рука. Эту руку черноглазый соединил с рукою пленника, обвинив их какой-то длинной травой, а затем два стражника выступили вперед, держа по чаше с жидкостью, игравшей опаловым блеском. Пленник отворотился было от края, прижатого к его губам, но темные лица туземцев позеленели, а глаза заискрились недобрым фосфорическим огнем.

– Не страшись, – едва слышно произнес «наставник». – Цветами осыпаны ноги богини, плодоносно ее прекрасное тело. И над всем этим ты господин нынче ночью!

Пленник выпил из чаши, от волнения не чуя вкуса. Он хотел посмотреть, как будет пить богиня сквозь свое покрывало, и, сделав последний глоток, обернулся – чтобы покачнуться от резкого приступа головокружения: она уже была без покрывала, она смотрела на него!

Она была похожа на белый лунный цветок, и сердце пленника перестало биться, когда он осознал, что эта волшебная красота сейчас будет принадлежать ему.

Прислужницы подступили к нему, совлекая одежды. Стоило ли так тщательно его наряжать, чтобы через несколько минут снять все наряды!

То ли красота несказанная так на него подействовала, то ли питье опьянило, однако у пленника и в мыслях не было противиться своему жребию – напротив, он жаждал его исполнить! Однако вдруг осознал, что не сможет владеть богиней здесь, на глазах настороженно-покорных стражей, прислужниц и особенно «наставника», под его нравоучительные понукания. То, что произойдет между ним и богиней, будет принадлежать только им двоим: мужчине и женщине. Да, он станет любовником богини... но ведь и богиня делается любовницей человека!

Он подхватил богиню на руки и, в два прыжка достигнув водоема, рухнул вместе с нею в серебряно-белую, искристую, исполненную лунного сияния воду, спеша к этой женщине так, как ни к кому другому еще не спешил.

Богиня вскрикнула, и это был крик боли.

Пленник ужаснулся. Он-то думал, что богиня искушена служением любовников, а она... невинная девушка!

Луна светила богине в лицо, и глаза казались серебряными. Капли на ее лице – это вода или слезы? Пленник осушал их губами бережно, едва касаясь, потом перестал себя сдерживать.

Никогда он никого не целовал так, как ее! Он просил прощения поцелуем и клялся в вечной любви, он сулил безмерное блаженство и умолял довериться ему, он повествовал ей о тех райских восторгах, которые ждут их в саду наслаждений... Чудилось, всю жизнь свою, все ожидание любви открыл он ей этим поцелуем!

Где-то на краешке сознания мелькнуло воспоминание о стражниках и их предводителе, легкое удивление, что они даже не попытались укротить его своеволия... Впрочем, окажись

они сейчас рядом, вцепись в него, угрожай всеми своими саблями и немедленной смертью, все равно не смогли бы разнять сплетенные, будто два вьющихся растения, тела.

Какая-то пелена медленно опускалась на них. Это был сон или легкая сеть – пленник не знал. Он тонул, он медленно умирал, но последним касанием, последней дрожью немеющих пальцев еще цеплялся за ту, которая была ему теперь дороже жизни, – за свою богиню, которая стала его любовницей.

Священные воды Ганги

На рассвете на берегах Ганги, священной реки Индостана, собирались старики и зрелые мужчины, старухи в черном и белом, юные женщины, в своих разноцветных одеждах казавшиеся охапками цветов, брошенными на берег широкой зеленовато-голубой реки. . . К берегам пристроено было множество маленьких деревянных плотиков, на которых стояли дети, ожидая, когда родители возьмут их на руки и войдут в священные воды для омовения.

Брамины в белом, воинственные кшатрии и жалкие шудры² – представители всех каст стояли в Ганге бок о бок, равные перед божеством. Разносчики со множеством пустых кружек, подвешенных на шестах, вбегали в реку, погружаясь чуть ли не с головой, выбегали с уже полными посудинами и со всех ног спешили разнести чудодейственную воду по улицам. Один из них налетел на какого-то чумазого оборванца, недвижимо стоящего у самой воды и глазевшего на происходящее с таким изумлением, словно только что родился на свет и ничего не ведал об обычаях утреннего омовения водою священной Ганги, кое непременно для всех индусов, без различия происхождения, касты и вероисповедания. Вдобавок странный человек дрожал и в изумлении смотрел на червонное солнце, от которого исходил неистовый жар.

– Что, замерз? – захохотал разносчик. – Или забыл, что священная Ганга свежа от близости горных снегов?

– Священная Ганга. . . – тупо повторил оборванец, с трудом ворочая языком. – Какой это город? Где я?

Разносчик расхохотался, а оборванец зачерпнул в обе горсти речной воды и несколько раз плеснул в лицо, а когда выпрямился, каша из грязи и пота была уже смыта, и разносчик увидел чеканные черты, белую кожу и светлые глаза.

Адити, мать богов, которую призывают на рассвете! Такие глаза могут быть у белых сагибов: инглишей или френчей. Правда, безумных сагибов, похожих на бродяг, разносчик никогда не встречал. . . Да от них от всех лучше держаться подальше!

Разносчик хотел броситься наутек, однако странный человек уже вцепился своими белыми пальцами в его плечо.

– Погоди-ка! – Он говорил на хинди, однако слова произносил нелепо. Впрочем, разносчик его отлично понимал. – Скажи все-таки, какой это город?

---

² Брамины (брахманы) – представители высшего сословия Индии. В эту варну (сословие) входили жрецы, ученые, подвижники. Кшатрии принадлежали ко второй по значимости индийской касте, состоящей из владетельных воинов; из кшатриев обычно избирали царей. Шудры – сословие, в которое входили слуги, наемные рабочие.

– Ванаресса, – ответил разносчик, осторожно поводя плечом и пытаясь вырваться, но бродяга (или все-таки сагиб?) держал его крепко.

– Ванаресса? – повторил он в недоумении. – Нет, не знаю такого города.

– А какой же ты знаешь? – удивился разносчик.

Иноземец свел свои размашистые светлые брови, напряженно пытаясь что-то вспомнить, и вдруг радостно выкрикнул:

– Беназир! Я знаю Беназир! Это далеко отсюда?

Разносчику никогда в жизни так не хотелось расхохотаться, как сейчас, однако что-то было в выражении лица этого незнакомца, что остановило его. Поэтому он произнес со всей возможной учтивостью:

– Ты можешь прямо сейчас отправиться в путь, но, даже если пойдешь по кругу, не затратишь и дня, чтобы воротиться обратно. При этом ты выйдешь из Ванарессы, а вернешься в Беназир!

Разносчик озорно прищурился. Жаль будет, если белый человек окончательно повредился головой и не сможет оценить изысканности и тонкой двусмысленности ответа!

Однако светлые глаза изумленно расширились:

– Ванаресса – это и есть Беназир? Неужели?!

– Конечно, – хмыкнул разносчик. – Моголы называют наш город Беназир, а мы, дравиды³, зовем его по старинке: Ванаресса. И все довольны. И никто не теряется ни в том городе, ни в этом.

– Надо думать, ты их оба хорошо знаешь? – усмехнулся незнакомец, и разносчик наконец-то дал волю смеху:

– А то! Я ведь вырос на улицах Ванарессы! Я разношу воду священной Ганги с тех пор, как себя помню.

– А не знаешь ли ты, где живут англичане? – взволнованно спросил белый человек.

– Ага! Я так и думал, что ты инглиш! – хлопнул себя по бедрам разносчик, за что и был вознагражден целым водопадом: этим неосторожным движением он опрокинул на себя все, что было в кружках. – Конечно, я знаю, где живут твои соплеменники. Но их очень много, а Ванаресса – большой город...

– Мне нужны служащие Ост-Индской компании, – пояснил бродяга, и разносчик окончательно уверился, что перед ним истинный инглиш: эта братия не сомневается, что об их Ост-Индской компании должны знать все во Вселенной! Ну что ж, оборванцу повезло: разносчик слышал эти три слова, магические для всякого белого.

– Этой могущественной госпоже служат почти все иноземцы, живущие в Ванарессе, – ответил он. – Но кто тебе нужен? Инглиш-воин или же инглиш-торговец?

– Да, тот, кого я ищу, скорее воин, чем купец, – после небольшого раздумья ответил бродяга (или все-таки сагиб?). – Я знаю его дом по описанию. У него белые стены, а у ворот сидят два крылатых льва.

– О, так это один из домов магараджи Такура! – обрадовался разносчик воды. – В самом деле, говорят, он приветлив с инглишами и весьма умножает свои богатства с их помощью... Ну что ж, идем. Я провожу тебя к твоему инглишу, а то ты, пожалуй, все-таки перепутаешь Ванарессу с Беназиром!

И, донельзя довольный своей остротой, разносчик ринулся вперед, а чужеземец зашагал следом.

Вот уже видна белая ограда, и два крылатых льва скалят свои кривые зубы.

– Здесь живет твой инглиш, – сообщил разносчик. – Иди, и да помогут тебе боги!

---

³ Моголы – так в описываемое время в Индии называли всех мусульман; дравиды – коренное население южной Индии, исповедующее индуизм.

Он только успел сложить ладони в намасте⁴, как распахнулись створки ворот, высунулся слуга-индус, раздался разноголосый лай, и свора разномастных псов выволокла из ворот высокую рыжеволосую фигуру, облаченную в белые одеяния, которые, по мнению разносчика, являли собою верх нелепости, но которые упорно носили все иноземцы.

– Беги! – крикнул разносчик, пускаясь наутек, уверенный, что иноземец последует за ним, чтобы спастись от свирепых псов.

Он пробежал не менее десяти десятков шагов, однако, не слыша за спиной топота, обернулся. Его волосы под тюрбаном заранее готовы были встать дыбом при виде окровавленного тела... И он едва не рухнул, где стоял, увидев, как собаки радостно скачут вокруг рыжего инглиша, который стискивает оборванца в объятиях, хохоча и восклицая:

– О Бэзил! Бэзил!

Разносчик некоторое время постоял, переводя дух и задумчиво разглядывая эту картину. «Значит, все-таки сагиб», – кивнул он наконец с облегчением и ушел восвояси.

---

⁴ Жест приветствия и прощания.

Старый друг

– Да что ты меня все кличешь Бэзиллом? – отбивался между тем странный человек от увесистых шлепков. – Я себя чувствую бог знает кем с этим именем, каким-то не то французшкой, не то... А я Ва-си-лий... – Он вдруг захохотал.

Рыжеволосый хозяин не смог скрыть тень беспокойства, мелькнувшую на его лице.

– Не бойся, я не спятил. Но до чего же я рад, до чего рад, что наконец добрался сюда! А ведь были минуты, когда казалось: со мной уже все, все, понимаешь?

– Кстати, французиска назвал бы тебя Базиль, – не удержался от колкости хозяин.

– Кошмар! – передернул плечами Василий. – Пусть бы только попробовал! Я бы ему показал кузькину мать! А помнишь Кузьку, а, Реджинальд? А помнишь?..

– Помню, помню, – кивнул англичанин, с явным беспокойством разглядывая осунувшееся – нет, мало сказать – натуго обтянутое кожей лицо своего друга, его полунагое, облаченное в лохмотья тело, ловя его беспокойный взгляд. – Я все помню. Как он, наш незабвенный Кузька?

– А что ему сделается? Наплодил детушек, живет припеваючи! Теперь управляющим в моем московском имении, следит за строительством нового дома. Старый пожгли сволочи мусью, я тебе писал, нет?

– Писал, писал! – Успокоительно кивая, как нанятый, Реджинальд неприметно подталкивал своего приятеля по просторному зеленому, осененному тамариндами и баньянами двору, направляя его к дому.

Реджинальд негромким словом, взглядом, знаком отдавал короткие четкие приказания. Слуги с опаской поглядывали на диковинного гостя, которого их суровый и важный сагиб привечал, будто посланника своего магараджи-кинга, владыки всех инглишей.

Собаки плелись поодаль, явно жалея, что не могут вцепиться в его широченные, столь приманчиво развевающиеся шаровары! Но пришлось перетерпеть: люди вошли в дом, а путь туда был псам строго заказан!

Реджинальд тоже с острым интересом разглядывал одеяние своего приятеля, однако решил отложить вопросы на потом, чтобы дать Василию время привести себя в порядок и переодеться.

Спустя два, а то и три часа гость наконец-то появился вновь. Он был одет в белые узкие панталоны, заправленные в легкие сапоги, в просторную белую рубашку (все из гардероба Реджинальда) и сейчас гораздо больше напоминал того озверелого гусара, который едва не вступил под Сант-Берти в единоборство с союзническим полком армии Веллингтона, сбив-

шись с пути, когда скакал в штаб с донесением, и приняв англичан в предрассветной мгле за французов.

Строго говоря, жители Туманного Альбиона первыми дали залп из ружей по неясной фигуре, что есть мочи несущейся со стороны вражеских позиций. Всаднику повезло, а коня задело; обезумев от боли, он рванул, не разбирая дороги, и подлетел к самому реду. Пораженный наглостью «бонапартовского ветерана», вперед вышел командир полка, сэр Реджинальд Фрэнсис, предложил наглецу дуэль. Тот сломя голову кинулся на расплывчатый бранчливый силуэт, однако опомнился за мгновение до того, как скрестились два клинка. Этого спасительного мгновения оказалось достаточно, чтобы дуэлянты разглядели форму друг друга – и после минутного оцепенения оба захохотали во всю глотку. «Бонапартовскому ветерану» поднесли настоящего шотландского джина, показали дорогу к своим – и он отправился восвояси.

Потом они встретились в Париже, где Василий Аверинцев состоял при ставке русского командования, а сэр Реджинальд Фрэнсис – в свите союзнического штаба. Потом они оказались в числе конвоя графа Павла Шувалова, сопровождавшего Корсиканца на остров Эльба, и в каком-то французском городке едва не погибли от рук взбунтовавшихся горожан, во что бы то ни стало вознамерившихся учинить самосуд над Наполеоном; крови его они жаждали теперь столь же пылко, как раньше курили ему фимиам. Обоих приятелей (к тому времени два офицера уже сделались приятелями) спас тогда ординарец Аверинцева, показавший французам знаменитую кузькину мать, и если в Париже прижилось русское словечко «быстро», забавно преобразовавшись в «бистро», то жители городка Сен-Жюль еще поколение спустя пугали своих непослушных детей жуткой, пострашнее любой ведьмы, старухой, породившей, однако, еще более страшного страшила по имени Кузька...

Война окончилась. Друзья остались друзьями, однако узнавали о жизни друг друга только по переписке. На пути в Англию Реджинальд был ранен в стычке с полуодичавшими остатками Великой армии и оказался принужден уйти в отставку. За годы войны имение его было разорено племянником-забудыгой, и всего-то богатства у бывшего полковника оставалось честь да слово «сэр», которое он мог прибавлять к своему имени. Средств к существованию не имелось никаких, кроме весьма умеренной пенсии, и сэр Реджинальд, стиснув зубы, принял предложение своего дальнего родственника заступить на довольно высокий пост в Ост-Индской компании, точнее, в ее отделении в Беназире. Так что некоторое время в Россию шла почта из Индии, и Реджинальду очень легко удалось сманить боевого товарища совершить рискованное путешествие за тридевять земель.

Подмосковная вотчина Аверинцевых и дом в Первопрестольной были преданы огню отступающей французской армией, однако семья Василия осталась баснословно богата, и он, оставив строительство новых домов на незаменимого Кузьку, с охотой ринулся в путь. Побывал в Персии, Египте, морем добрался до Калькутты, где посетил знаменитое Азиатское общество, основанное в 1785 году сэром Виллиамом Джонсом, где хранилась замечательная коллекция оружия индусов, бирманцев, яванцев и малайцев. Затем Василий пустился из Калькутты в Беназир на экзотическом суденышке, называемом паттамар⁵, однако путешествие, которое обещало быть легким и приятным, едва не стало для него последним в жизни.

Сначала жестокий шторм, потом десятидневное странствие на легоньком плоту с самым жалким количеством еды и питья, потом удача – высадка на пустынном берегу и встреча с рыбаком, который и отвел их в деревушку, откуда они отправились в Беназир.

– Жаль, что у меня не такие длинные уши, как у зайца, – вдруг прервал свой разговор Василий. – Не то меня можно было бы очень просто оттащить от стола. Извини, Реджинальд. Это, наверное, выглядит устрашающе, но... Я уж и не знаю, когда ел в последний раз.

---

⁵ Распространенное на побережье Индии небольшое ходкое судно с одной-тремя мачтами и треугольными парусами.

– Что же, эти добрые, как ты говоришь, люди в рыбацкой деревне не дали вам ничего в дорогу? – недоверчиво спросил Реджинальд и даже похолодел – такими растерянными, пустыми сделались вдруг глаза его друга.

– Этого я не помню. Веришь ли, я не помню ничего с той минуты, как нас накормили во дворе дома старосты этой деревни и указали, в какие хижины идти ночевать. Помню, солнце садилось, небо было алое, золотое... вдруг кто-то положил мне руку на плечо – и все. И все, ты понимаешь? У меня как бы помутилось в глазах, а когда прояснилось, я увидел себя стоящим чуть не по колени в Ганге, а рядом был этот благословенный разносчик, который и привел меня в твой дом. Где мои спутники? Где я был все это время, как добрался до Беназира, кто мне дал те лохмотья, в которых я предстал перед тобой, – этого я не помню. Совершенно не помню! Более того, стоит напрячь память, как у меня в мозгу словно бы разливается серебряный свет – такой, знаешь, блеклый, бледный, лунный...

– Лунный?! – переспросил Реджинальд. – Это опасная вещь... Ты заметил, что все индусы носят тюрбаны? Уверяю тебя, защищают головы не только от солнечного, но и от лунного удара!

– Рассказывай! – отмахнулся Василий.

– Уж поверь, – очень серьезно кивнул Реджинальд. – Видел ли ты в Калькутте настоящих бенгалцев?

– Конечно, они единственные не прикрывают голов, а ходят со своими черными гривами.

– Да, бенгалцы не носят тюрбанов даже в полдень, когда, как говорится, даже у слона может сделаться солнечный удар. Но и бенгалец не выйдет из дому в полнолуние, не прикрыв макушку! Опасно даже заглядеться на луну, а уж заснуть под луной... Припадки падучей болезни, безумие, даже смерть – вот наказание неосторожному. Оттого все стараются защитить головы ночью. А ты...

– А я, очевидно, этого не сделал, – задумчиво проговорил Василий, – и заснул под луною, и сделался не в себе, и мои попутчики, отчаявшись вернуть мне сознание, привели меня к священной Ганге и отдали под покровительство божества, которое не замедлило умилосердиться и направило ко мне своего посланца в лохмотьях и с кружками на шесте. – Он расхохотался с видимым облегчением. – Ну что же, это многое объясняет. Жаль только, что небеса не передали мне увесистого кошелька рупий взамен утопленного в океане!

– Мой дом, мой кошелек, я сам к твоим услугам, – произнес Реджинальд высокопарно, с тем видом снисходительного отвращения, который всегда принимает истинный джентльмен, когда ему приходится обсуждать такой низменный вопрос, как отсутствие денег.

– Благодарю, – кивнул Василий. – Поверь, я тронут. Возможно, мне придется воспользоваться твоим кредитом, однако скажи: знаешь ли ты здесь каких-нибудь русских?

– Трудно не знать, потому что единственный здесь русский – мистер Бушуев.

– Бушуев! – вскричал Василий. – Его-то мне и нужно! У меня было к нему заемное письмо из Москвы на очень немалую сумму.

– Неудивительно, – усмехнулся Реджинальд. – Бушуев баснословно богат. За короткое время сделался одним из самых удачливых торговцев. Клиентов к нему как магнитом тянет. Правда, у него столь красивая дочь, что многие приходят лишь полюбоваться на нее, но тут уж мистер Питер берет их в свои медвежьи лапы так, что они готовы выполнить все его условия, только бы еще раз увидеть Барбару.

– Варвару, что ли? Какое недоброе имя, – передернул плечами Василий. – Недоброе, холодное. Оно мне не нравится. А что, и в самом деле красавица?

– Она похожа на англичанку, – мечтательно повел глазами Реджинальд, и Василий понимающе кивнул:

– О да, тогда конечно! Блондинка?

– У нее самые чудесные золотые волосы, которые я когда-либо видел! – провозгласил Реджинальд. – И лебединая шея, и дивные, чарующие глаза, похожие на два озера в туманной серой дымке. О, будь ее глаза голубыми, я бы... я бы, пожалуй...

– Ты, пожалуй, забыл бы леди Агату?! – с театральным ужасом воскликнул Василий, знавший о затянувшейся помолвке друга, которая могла окончиться браком, только если Реджинальд восстановит свое состояние.

Англичанин сконфуженно отвернул веснушчатое лицо:

– Эта девица так своенравна, что с ней ни отец, ни добрейшая тетушка Мэри не могут справиться. Барбара со всей своей красотой до того ударилась в науку, что ни о чем приличном и говорить не может, как только чем отличается Деви от Дурги, а обе они – от Кали!⁶

Василий был не силен в мифологии, к тому же слишком образованные и много о себе понимающие девицы никогда ему не нравились. К тому же светловолосому и голубоглазому молодому человеку по вкусу были брюнетки с зеркальными очами, какие частенько радовали его взор в Индии. Так что высокоученая дочь Бушуева, похожая на «настоящую англичанку», носившая вдобавок столь нелюбимое имя, не вызвала в нем ни малейшего интереса.

Они еще долго сидели за столом. Реджинальд, как истый англичанин, начал сетовать, что в Беназире не устраивают скачек в духе Дерби или Аскота; здесь нет петушиных или бараньих боев, верблюжьих гонок, ибо закон запрещает индусу игры и заклады, запрещает все, от чего вскипает кровь и человек азартный теряет разум... И вдруг лицо его загорелось.

– Клянусь, мы не будем скучать, нет! – воскликнул он с внезапным оживлением. – Я совершенно забыл, что приглашен к магарадже Такура на его знаменитую загородную виллу! Это один из самых состоятельных людей в Индии и весьма к нам расположен. Он-то понимает, что будущее Индостана теперь навеки связано с Англией, и не цепляется за отжившие предрассудки. Не зря он уступил сотрудникам компании лучшие свои дома, например этот. У нас с магараджей наилучшие отношения. Прием будет великолепный, вот увидишь. А какой там стол... – Реджинальд закатил глаза. – А какая коллекция оружия! Куда Азиатскому обществу! Там хранится даже сабля самого Сиваджи⁷ – это национальная реликвия.

Василий с радостью вообразил визит к магарадже. Увидеть саблю Сиваджи – об этом он и мечтать не мог!

– Принеси лампу, – приказал Реджинальд слуге, и Василий взглянул в окно.

Здесь, в Индии, все не как у людей: вечер не следует за днем, мрак ночи ниспадает как бы силою волшебства, возникает новый, темный, колдовской мир, и близок выход луны...

– Вели завесить окна! – неожиданно для себя воскликнул Василий и тотчас устыдился: – О, прости, Реджинальд. Не пойму, что это на меня нашло? Но эта луна...

– Совершенно верно, – с неколебимой серьезностью изрек Реджинальд. – Ты должен беречься луны, будто кобры, будто тигра! Она теперь твой враг. Не волнуйся. Я уже отдал приказ завесить окна в твоей спальне как можно плотнее. Сейчас и здесь их закроют.

Василий кивнул, не в силах справиться с волнением. Ему было стыдно, и в то же время неясная, необъяснимая тревога так сжимала сердце, что он невольно морщился от боли.

Надо поскорее уйти в отведенную ему спальню. Никто не должен видеть, как ему страшно, мало сказать – жутко! Этот серебристый навязчивый луч вызвал из бездн памяти странные, опалово переливающиеся глаза. Чьи это глаза? Неведомо. А может быть, он не в силах ничего вспомнить лишь оттого, что не хочет? Или боится?..

Василий заставил себя закрыть глаза и так лежал некоторое время, призывая сон. Разноцветные блики, мельтешившие перед взором, складывались в узоры и картины, сменявшие друг друга.

---

⁶ Разные ипостаси одной и той же богини.

⁷ Легендарный герой Индии, остановивший в XVII в. продвижение войск Великого Могола на юг полуострова.

Он видел белый мрамор, мозаику из бриллиантов и сапфиров, потолок, затянутый темно-голубой тканью и усеянный драгоценными камнями вместо звезд, словно для того, чтобы совершенно уподобить его небу. Воистину обителище, достойное богини! Богини?..

Стройная женская фигура в белых одеяниях недвижимо стояла перед ним. Резко пахло курительными палочками; их светлый дым то стелился над серебристо-белым полом, то взмывал вверх...

Василий вскинулся, хватаясь за сердце, незряче глядя во тьму. Что это?! Воспоминание? Нет, видение, и какое реальное, какое мучительное! Нет, он не в силах понять... Надо уснуть. Вот все, чего он сейчас хочет, – уснуть!

Но милосердный сон снизошел к нему еще не скоро.

Чудесный камень королевской кобры

Утром они отправились к Бушуеву. Василий не был уверен, что русский купец откроет ему кредит без заемного письма, однако он надеялся на рекомендации Реджинальда. К тому же попытка не пытка, спрос не беда!

Вчера, измученный, изголодавшийся, полуживой, Василий толком не разглядел Беназира, и сегодня вызывающая, резкая красота этого города обрушилась на него, как водопад красок, звуков, запахов.

Вокруг пестрели точеные, наподобие шахматных башен, пагоды, в которых толклись расписанные различными красками⁸ меднолицые люди, белые горбатые телята с цветочными венками на рогах, полуобнаженные женщины браминов, которые одни из всех индианок даже не пытаются прикрывать лица и ходят голоногими, а то и гологрудыми. Порою по улицам проносились всадники на выкрашенных хной и индиго конях, с надетыми через плечо луком и стрелами без колчана за спиною, напоминающие сказочных божеств. Посреди этой подвижной живой массы двигался иногда слон в своей странной сбруе, с трудом и грохотом пробираясь меж теснящихся друг к другу храмов, домов, балконов и лавок, навесы которых, поддерживаемые шатками бамбуковыми подставками, нередко опрокидывались неловким прохожим или тем же слоном. Порою мелькал легкий дромадер – одногорбый верблюд, покрытый ярким чепраком желтого, красного или зеленого цвета.

С балконов смотрели молоденькие женщины и девицы. Они были очень грациозны, когда закрывались краешком покрывал от нескромных взоров, однако, на взгляд Василия, могли и не стараться: ведь их хорошенькие личики и без того было трудно разглядеть за несметным количеством серег, колец и цепей, украшавших их головы, шеи, уши и носы.

В толпе прохаживались бродячие монахи-факиры, увечные, костлявые, с длинными, крючкообразными ногтями. Обвитые четками, с обмаранными синеватою сажей лицами и телом, со всклокоченными волосами, собранными на макушке, с бородатymi физиономиями, они представляли собой пресмешное подобие голых обезьян; некоторые из них, по причине беспрестанного самобичевания, были страшно изранены.

Большинство лавок, мимо которых пробирались друзья, не имело передней стенки, и можно было видеть разложенные товары, от рухляди, на которую не стоило обращать внимания, до самых дорогих, искуснейших произведений Индостана и привезенных со всех концов света богатейших товаров. У Василия глаза разбегались!

---

⁸ Цветные полосы на лице индуса обозначают касту, к которой он принадлежит.

Вдруг сквозь отворенную дверь он увидел комнатку, убранную циновками, где среди шелковых разноцветных подушек сидела, небрежно куря длинную изогнутую трубку, красавица, обернутая в яркие, прозрачные, как паутина, ткани...

– Ого, какая! – усмехнулся Василий, подмигивая красавице, и она тотчас словно бы впилась в его глаза своими матово-черными очами, повела плечом – и легкая ткань соскользнула, обнажив манящие округлости...

– А, баядерка, – пренебрежительно оглянулся Реджинальд. – Нет, это не первый сорт. Погляди-ка лучше сюда, вот на этого буни!

Буни, змеечарователи, с целыми десятками кобр, фурзенов и гадюк вокруг пояса, шеи, рук и ног, являлись достойными моделями для художника, который пожелал бы изобразить фурию мужского пола. Особенно отличался меж ними один колдун, который обвинил себе голову кобрами, как чалмой. Раздув капюшоны, кобры безостановочно шипели, быстро высовывая маленькие жала, сверкая злыми глазками на всех проходящих. Их шипение напоминало тяжелое дыхание умирающего и было слышно не менее чем за сто шагов.

Василий был так изумлен редкостным зрелищем, что осадил коня, а потом и вовсе спешился. Зачув такой интерес к своей персоне, буни решил показать свое древнее искусство во всем блеске.

Вынув непременно принадлежность всякого змеечарователя – дудочку-вагуду, он сперва погрузил всех своих кобр, ферзенов и гадюк в сон. Потом вынул из грязного мешка что-то вроде круглого камушка, похожего на рыбий глаз или белый оникс с крапинкою посредине, и принялся уверять, что это – единственное средство спасения против укуса кобры: следовало только немедленно приложить талисман к ране, к которой он тут же пристанет так крепко, что его нельзя будет оторвать; затем, высосав весь яд, камень отпадет сам собою, и тогда минует всякая опасность.

Василий и Реджинальд переглянулись, причем англичанин так значительно подмигнул, что это не укрылось от внимания буни. Вскипев, он поклялся богами и Солнечной, и Лунной династии⁹, что надменные сагибы скоро раскаются в своей недоверчивости, и принялся дразнить змей.

Выбрав громадную кобру футов в восемь длиной, он довел ее до бешенства; обвив хвостом пенек, возле которого обосновался со всем своим серпентарием змеечарователь, кобра начала страшно шипеть, вернее, хрипеть. Яростное дыхание раздувало ее тело, как грудь у человека. Первые восемь пар ее ребер раздвинулись, шея стала похожа на диск. При этом на спине явственно проступил рисунок в виде двух колец, соединенных перемычкой в форме буквы V. Качаясь из стороны в сторону, словно побег некоего зловещего растения, кобра наконец вцепилась своему хозяину в неосторожно (а скорее, намеренно) выставленный палец, на котором тотчас выступило несколько капель крови.

У толпы зрителей вырвался единодушный вздох ужаса, а Василий выкрикнул, чтобы змеечародей немедленно надрезал место укуса прокаленным на огне лезвием и отсосал кровь. Однако тот не торопясь приклеил к пальцу свой грязноватый камушек, который пристал, будто пиявка, а через малое время сам собой отвалился, так что на пальце остался лишь красноватый легкий след укола.

– Иди ты!.. – восхищенно, недоверчиво пробормотал Василий, хватая буни за палец и крутя так и этак, словно вознамерился вывернуть всю кисть. – Вот же чертов колдун! Силен, а, Реджинальд?

– Фарс! – громко, презрительно изрек его друг. – У змеи мешок с ядом вырезан, это просто фарс!

---

⁹ То есть всеми богами индуизма.

Эту английскую высокомерную речь змеечарователь понял по скепсису, так и лившемся из глаз рыжеватого сагиба. Что-то возмущенно промычав, он, после небольшого состязания в ловкости, поймал кобру за шею одной рукой, а другой всунул ей в рот маленькую палочку, установив ее между двумя челюстями так, что они оставались разверстыми; затем он подсунул змею к обоим сагибам поочередно, указывая на убийственную железку с ядом.

Василий так и передернулся от отвращения, взглянув на кривые змеиные зубы, напоенные смертью, однако Реджинальд остался непоколебим:

– Мешок там, а яду, может быть, и нет, почему мы знаем?

И снова лингвистическое чутье «колдуна» выказало его истинным полиглотом. Он сделал несколько весьма недвусмысленных жестов, из которых только круглый дурак не уразумел бы, что он предлагает двум европейцам вместе или поодиночке попробовать на себе действие яда, которого якобы нет, а затем волшебного камушка.

Реджинальд поджал губы, смерив дерзца уничтожающим взором, а потом добавил ему стеком по голым ногам, чтобы не шутил с белыми сагибами так опасно. Тогда, опустив кобру на землю, буню ловко наступил ей на хвост, так что она на мгновение застыла, приподняв голову. Ловким движением схватил кобру одной рукой сзади за шею, а другой за тело неподалеку от хвоста и, широко расставив руки, растянул извивающуюся змею, сколько хватило сил. На его призывный клич подбежал полуголый мальчишка со стеклянной чашею в руках и с тем выражением лица, какое бывает у знающих себе цену подручных знаменитых фокусников. Бокал поднесли к змеиной голове; немедленно последовал резкий бросок. Нижние зубы кобры заскользили по стеклу, верхние нависли над краем, и на дно бокала упало несколько капель смертоносного яда...

– Все без обмана! – восхищенно выкрикнул Василий. – Ах ты, сила нечистая!

Желая вознаградить змеечарователя за редкостное зрелище, он привычно сунул руку в карман, который отродясь не был пустым, да вспомнил свои обстоятельства – и воззрился на Реджинальда. Лицо его при этом сделалось совершенно мальчишеским, и чудилось, что он просит старшего брата купить себе вожденный леденец.

Реджинальда тоже захватило представление. Поэтому он сунул «колдуну» целую рупию, чем поверг того в настоящий столбняк, а затем протянул руку к волшебному камушку и провозгласил, что покупает это – для своего русского друга!

Однако подвижное лицо змеечарователя вмиг поблекло и приняло самое унылое выражение.

– Сагибы, высокочтимые сагибы, – забубнил он, – простите несчастного! Пусть пожрет меня стая крокодилов, если я в силах потворствовать вашей воле! В руках белого сагиба камень станет совершенно бесполезным.

Реджинальд фыркнул:

– Стало быть, все-таки шарлатанство!

Змеечарователь стоял понурясь. Мальчишка глядел грустно. Даже кобры, чудилось, имели теперь вовсе не грозный, а как бы пристыженный вид: не вставали на хвосты, не раздували капюшоны, не сновали туда-сюда жалом.

– Эх вы, дуры! – укоризненно сказал Василий по-русски. – Чего, спрашивается, пыжились? Шуму-то, шуму навели!..

И, даже не оглянувшись на змеечарователя с его приунывшими подружками, он вскочил на коня и направил его вслед за важно восседавшим верхом Реджинальдом.

Вскоре они остановились около высоких ворот, затейливо вырезанных из красного дерева, как вдруг оттуда донесся женский крик, полный такого ужаса, что по спине Василия пробежал ледяной ветер.

Зловещая незнакомка

Откуда ни возьмись, точно сквозь стену про-шла, перед всадниками возникла невысокая согбенная фигурка. И без того встревоженные кони вздыбились, когда она вдруг кинулась чуть ли не под копыта, издавая сдавленные, мучительные стоны и заламывая руки так отчаянно и горестно, что Василий и Реджинальд мгновенно спешились и кинулись поднимать женщину, обуреваемые одним лишь желанием – немедленно помочь этому жалкому существу.

Однако стоило им взглянуть на незнакомку внимательнее, как оба обмерли, хором издав проклятие.

Она была избита до того, что смуглое, медное лицо выглядело одним сплошным кровавым синяком. Кровавая пена пузырилась во рту там, где чернели ямы выбитых зубов. У корней ее всклокоченных волос виднелись кровавые ссадины.

«За волосы таскали, выдирали, – подумал Василий, жалостливо морщась. – А на руках что – кандалы носила? Преступница небось?»

Мутный взор полубесчувственной женщины между тем прояснился, но лицо ее не сделалось спокойнее. Напротив, она издала еще один стон и захрипела (очевидно, голос был до того сорван криком, что громче говорить она не могла):

– Не убивайте! О, не убивайте меня, белые сагибы! Я не сделала ничего, клянусь великим Вишну! Я ни в чем не виновата! Не убивайте меня!

– Нужна ты нам! – буркнул Василий. – За что тебя так?

Женщина залилась слезами и протянула руки с кровавыми рубцами на запястьях, а потом, обе-зумеv, вздернула изодранное сари, открыв такие же следы на щиколотках:

– Я рабыня... я рабыня в этом доме! – И она простерла трясущуюся руку к стене, окружающей тот самый дом, куда направлялись друзья. Тут же стало ясно, что она проскочила не сквозь стену, а через маленькую, чуть ли не вровень с землей, калиточку, причем куст жасмина, прикрывавший этот ход, еще хранил на себе клочки ее окровавленного одеяния.

Василий только головой покачал, а Реджинальду изменила его обычная сдержанность.

– Тьфу! Кто бы мог подумать, что мистер Питер... – побагровел он от возмущения.

– Хозяин-сагиб груб, жесток, у него тяжелые кулаки, – пробормотала, шепелявя, избитая женщина, и кровавая слюна потекла по ее подбородку, – но он только бил меня. А мэм-сагиб, молодая мэм-сагиб – она истинная Кали: кровавая, черная, жестокая!

Лицо Реджинальда внезапно обесцветилось.

– Что ты говоришь? – воскликнул он почти грубо. – Какая еще мэм-сагиб? Мисс Барбара? Чепуха! Чепуха!

Женщина обреченно свесила руки и, словно ноги ее больше не держали, опустилась в пыль.

– Мэм-сагиб Барбара... – пробормотала она помертвелыми губами. – Ей не нравилось, что у меня волосы гуще и длиннее, чем у нее, и она хотела вырвать их.

Реджинальд схватился за голову так порывисто, что шляпа слетела. Василий покосился на друга, подумав, что леди Агата, конечно, должна быть очень благодарна сегодняшнему утру. Акции ее, похоже, взлетели нынче на недостижимую высоту, потому что мисс Барбара в образе кровожадной рабовладелицы не имела права даже на сотую, даже на тысячную долю Реджинальдова сердца.

Василию все происходящее казалось, конечно, отвратительным, однако вовсе не чудовищным. Интересно, что сделалось бы с Реджинальдом, узнай он, что и его любимчик Кузька, и Кузькина мать (родная, а не метафорическая), и отец, и деды с бабками, и жена с малыми детьми, а также еще тысяч десять народу – все они были рабами его лучшего друга Василия Аверинцева? Сиречь, его крепостными душами. А предки их принадлежали его предкам, и этак велось с тех пор, как вошел в силу некогда захудалый древний боярский род Аверинцевых. Впрочем, неведомо, как этим самым предкам, но Василию бессмысленная, торжествующая жестокость господина была совершенно чужда. Драли, конечно, мужиков по его воле на конюшне, чего греха таить, однако драли за дело: за недоимки, или леность, или потраву господского поля, сведение барского леса... не часто драли, мог сказать Василий положа руку на сердце! Он не распродал за долги крестьянские семьи, не менял детей на борзых щенков, не тешился с пригожими невестами прежде их законных мужей, хотя, если видел к себе добрую охоту, никогда не оставлял вниманием бойкую молодницу или девку. От Аверинцевых крепостные не ударялись в бега, поэтому среди некоторых своих соседей Василий слыл чуть ли не вольнодумцем. О нет, сия французская губительная зараза, впоследствии принесящая России столько бед, счастливо обошла его, не пристала, как ко многим русским молодым офицерам, в заграничном походе, и лишь природное человеколюбие, а вовсе не политические воззрения, делало Василия тем, кем он был и слыл: добродушным и справедливым барином. К жестокости мужской он относился с молчаливым осуждением, ну а жестокость женская... Конечно, она не заставляла его волосы вставать дыбом, подобно рыжим кудрям Реджинальда, однако внушала естественное отвращение. И, с брезгливой усмешкой вспомнив дифирамбы приятеля этой Барбаре (лебединая шея, глаза, будто озера), Василий подумал, что не зря индийцы считают длинные шеи у женщин признаком неверности и неустойчивости характера, а голубые глаза – дурными, кошачьими, в точности как у сиамских кошек! Правда, Реджинальд говорил, будто у Барбары серые глаза. Ну что же, очень возможно, что серые глаза – свидетельство кровожадности и безрассудной свирепости... Не зря ему так не нравилось ее имя. Замашки у нее совершенно дикарские, правда что варварские. Сам Бушуев, надо думать, тоже хорош. Вот жалость, что надобно идти в дом к таким недобрым людям, вдобавок просить у них денег! Не лучше ли воспользоваться в самом-то деле тощим, но честным кошельком Реджинальда, а уплатить долги уже по возвращении в Россию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.